

Мария Ануфриева

Грязный Амур

рассказ

Опубликован в сборнике "ЧАС РЭМ. Эти лихие 90-е. Сборник рассказов современных авторов". Составитель - А. Грановский (издательство LuLu).

«Амур» - прочитала я на дверях и, без стука, отворила их.

- Мальчики, девочки или семейные пары? – вежливо и тихо поинтересовался бледный юноша, привстав с черного кожаного дивана.

- Работа, - ответила я. – Объявление о поиске журналиста вы давали? Журнал «Амур» ваш?

- Наф! – выдвинулся из угла бритый мужчина в широком свитере крупной вязки и резко выпростал из него ручищу. Казалось, бритоголовый отобрал свитер у толстого мамкиного увальня, решившегося найти свое счастье в стенах «Амура», а теперь хочет пожить и моим нехитрым студенческим скарбом. Прижав покрепче к груди папку с конспектами, я протянула ему свободную руку.

– Я – Ювиан, дивектов, а это Митька – овис-менеджев наф, админисватов, ну и вусе такое пвочее, - прогундел бритый и рассыпал веером по столу фотографии див в кожаном нижнем белье. – Чё с этим сделать мовеф, покаывай!

Через полчаса меня приняли на работу, а написанные за это время тексты объявлений были спешно вставлены в верставшийся номер: *«Соблазнительная домашняя кошечка, отменно владеющая французским языком, превратит в тигра щедрого гостя».*

- От-та, от это я понимаю! – потирал широкие ладони Юлиан. – От это жувнавюка. А то никакой у них фантавии, а надо втоб фтучный товав бив!

С утра я ходила в университет, где врала подружкам, что нашла работу в рекламном агентстве. Днем в конторе помогала Юлиану

подбирать фото девочек и сочиняла им краткие сочные характеристики, не забывая о том, что каждая из них должна быть штучным товаром. Вечером писала диплом о гендерном равноправии.

В офисе было людно, иногда он напоминал Ноев Ковчег: профессиональные кошечки, тигрицы и их дрессировщики, дамы бальзаковского возраста, мечтающие найти отставных военных, женатики в поисках любовниц, разведенки в поисках холостяков, студентки в поисках папиков, мамыки в поисках студентов.

Профессионалы хотели выйти в массы и предпочитали заказывать рекламные модули в журнале, любители и неофиты стеснялись и ограничивались рассматриванием фотоальбомов с анкетами. Для удобства альбомы отличались цветом обложек и нумеровались согласно «Табели о рангах» знакомств.

Интернет тогда не стучался в каждый дом, сердце и постель, а потому за альбомами иногда выстраивались очереди. Быстрее всех приходил в негодность красный альбом «Девушки от 18 до 35 лет. Бесплатные знакомства», для краткости названный Юлианом «Хавява». Самым долговечным был альбом темно-зеленый с подписью: «От 45. Для брака».

Таким же маловостребованным, но все же более потрепанным оказался фиолетовый альбом за номером пять «Семейные пары». Наверное, потому что семейные пары хоть и были редкими гостями, но альбом тискали с пристрастием, оживленно тыкали пальцами в изображения, спорили, ругались, а однажды в последний рабочий день уходящего года над ним в пустом офисе долго проливали слезы подвыпившая грузная дама с подбитым глазом.

Мы с Митькой жалели ее, отпаивали чаем и хором, чтобы сделать приятное, горячо ругали мужа, который не согласился с телевизионной рекламой, что лучший подарок мужчине – это дезодорант «Олд спайс» и отправил на поиски партнера для незабываемой новогодней ночи втроем.

- Зачем вам свингеры. Давайте найдем нового мужа, - проникновенно и тихо уговаривал ее Митька.

Да и я так расчувствовалась, что готова была отдать побитой даме припрятанного вдового подводника, которого собиралась сосватать самой настырной клиентке – пухленькой генеральше. Она потеряла своего генерала в мирное время, в военном госпитале, в схватке с молодой медсестрицей, нежнее всех ставившей ему капельницы, и с тех пор терзала нас требованиями найти ей «хоть профессора какого завалящего».

- Завем такой шикавной венцине пвовессов в стоптанныв ботинкав? – увещевал ее Юлиан. Но генеральша была непреклонна. Наверное, полагала, что профессор никогда не попадет в военный госпиталь, где водятся пираньи в белых халатиках.

Подводник был диковинной рыбиной, заплывшей в воды «Амура» и вполне мог заменить профессора.

- Хотите с морским волком вас познакомим? – вытасила я фото как припрятанный новогодний подарок.

Но дама заплакала пуще прежнего, замахала руками и ушла, оставив нам обильно смоченный слезами альбом номер пять.

Митька стал моим подруганом в первый же рабочий день, и с каждым новым днем наша дружба крепла. Нас объединяли общие тайны. Я украдкой от Юлиана читала трактаты о социокультурных ориентациях современных женщин. Митька тайком искал свою любовь в синем бархатном альбомчике под номером шесть. «Шестевке», как называл его Юлиан.

Любовь к Митьке вскоре пришла. Романтичная, трепетная, бурная, с потупленными в пол глазами, румянцем на нежных мальчишеских щеках, расставаниями и воссоединениями на веки. Словом, такая, какой должна быть настоящая любовь, и звали ее Игорь.

Альбом номер шесть оказался не причем. Игорь появился в конторе по приглашению Юлиана и привез новый сейф. Потом он зашел еще раз за документами и сказал, что в случае поломки

сейфа надо обращаться к его помощникам, а он - директор фирмы, его гаврики болеют, вот и приходится ездить к клиентам.

- Квутая гомосятина, - оценил его наметанным глазом Юлиан, и хотел было предложить полистать «шестевку», но Игорь пожал плечами, скользнул взглядом по сторонам, чуть задержал его на Митьке и вышел.

Митька тут же куда-то исчез. Он вообще обладал редкой для мужчин способностью ходить бесшумно, присутствовать пунктиром, деликатно и прозрачно до бесплотности.

Вернулся он минут через двадцать и, с трудом пряча поигрывающую на губах улыбку, принялся чрезвычайно сосредоточенно раскладывать по альбомам фотографии вновь прибывших. Помогала ему новенькая - старательная и смешливая Нина.

Изучение латыни и анатомии в Первом меде, куда ее с грехом пополам пристроил именитый в медицинских кругах папаша, закончилось чтением клятвы Гиппократу на занятии по истории медицины, слов которой Нина не сумела разобрать: «Клянусь Аполлоном-врачом, Асклеием, Гигиеей и Панакеей».

Справедливо рассудив, что дальше будет еще хуже, а родитель прокормит ее до замужества без всяких там гиен и патрикеев, Нина с легкостью и без сожалений распрощалась с вузом.

Однако отец ее был врачом во вторую очередь, в первую же он был грузином. Разразился скандал с криками «Сулели швили - оджахис сирцхвила!»¹ и обещаниями отправить Нину в горы, откуда сам он спустился в Северную Пальмиру тридцать лет назад для того, чтобы дети его жили достойно, красиво и по уму: «Понимаешь, по уму, дура!»

Нина обиделась, но решила в точности последовать родительскому совету. Она ушла из дома и зажила своим умом.

¹ Глупая дочка – позор семьи (груз.)

Самостоятельно открыла бесплатную газету и позвонила по первому попавшемуся объявлению о наборе сотрудников в офис. Что она будет делать в офисе, Нина не представляла. Она вообще не представляла, что женщина может делать на работе. В их семье работали мужчины, а женщины были женщинами.

- Тупая, но квасивая, - резюмировал Юлиан.

Родитель оказался прав, жизнь по уму налаживалась. Нине повезло. Она работала украшением офиса и сортировала фотографии. К счастью для нее, несмотря на прогресс и биотехнологии, человечество до сих пор делится всего лишь на два пола. Мужчин и женщин перепутать было сложно.

Митькину любовь к альбому номер шесть Нина поняла не сразу, а поняв, не приняла.

- Меня окружают пидоры и лесбиянки, - жаловалась она Юлиану, а тот довольно кивал головой:

- Еще тванссексуалы, твои штуки. Не забудь оформить в альбом. Не певепутай. Это мувики!

- Мало того, что пидор, так еще сдачу специально медяками выдает, - обиженно шипела мне на ухо Нина, потрясая кулаком, полным мелочи. – Такие мужчины приличные сидят, а я им – копейки.

- Других денег в кассе нет, - оправдывался Митька и по-лисьи улыбался, наблюдая, как Нина расшаркивается с развалившимися на диване пузанами.

Чем чаще с прелестных уст Нины шмякалось презрительное «пидор», тем более тонкие ответные иглы вонзал в нее Митька. Но вот дошло дело и до иглы настоящей.

Нина порвала колготки.

- Как я ходить буду, ведь день только начался? – жалобно вопрошала она у меня, но я сочиняла статью про прелести тайского массажа в самом лучшем элитном салоне Петербурга, расположенном в расширенной дворницкой в соседней подворотне, и делала вид, что не слышу.

- Зашить можно, - как всегда тихо подал идею Митька.
- Так тогда снимать надо, как же я без колготок.
- Прямо на тебе можно зашить.
- Так стрелка сзади, мне не видно, - надула она губы.
- Давай я на тебе зашью.
- Как это я к мужчине задом повернусь, а он что-то зашивать будет, - попыталась оскорбиться Нина.
- Он же не мужчина и вообще не человек, а пидор, - напомнила я. – Так что либо он зашьет, на тебе, сзади, либо ходи весь день драная.

Следующие двадцать минут Митька стоял на коленях позади Нины и аккуратными стежками латал ее колготки.

- Пришей их прямо к ногам, - хотела ляпнуть я, но воздержалась.

Шов вышел маленький и ровный, похожий на узкую, но прямую тропинку, по которой с того дня пошло перевоспитание Нины, а потом и их с Митькой дружба.

Наверное, впервые в жизни она поняла, что *иной* может быть таким же как ты, и понимание это развернуло ее на девяносто градусов, как часто и бывает с людьми упертыми безыдейно.

Вскоре мы вместе заворачивали в кафешки после работы, болтали и смеялись, вспоминая Юлиана с его альбомами. Иногда к нам присоединялись те самые транссексуалы, три штуки.

По вечерам они выступали в шоу двойников эстрадных звезд, а перед выступлением коротали время с нами. Когда темнело, транссексуалы подхватывали баулы с нарядами и шли готовиться к выступлению, за Митькой заезжал Игорь и развозил нас по домам. Он хоть и был «крутой гомосятиной», но немногим старше нас, просто умел делать деньги. Вернее, сейфы для денег. И никогда не зазнавался.

Раньше Митька пританцовывал, теперь он почти летал. Игорь смотрел на него как мать на первенца, готовая закрыть венец творения собой и разорвать весь мир в клочья, лишь бы ничто не потревожило его сон. Нина, быстро научившаяся хлебать пиво как заправский мужик, теперь уже в шутку возмущалась:

- Нет, ну что вам теток не хватает? Вот хоть убейте меня, не понимаю!

- Убить тебя только папаша может, - говорила я. – Особенно, если увидит, как ты бухать начала. Сразу скальпелем и порешит. А с парнями - тут и понимать нечего.

Я ошибалась: понимать как раз было что - и Нине, пытавшейся втиснуть в круглую матрицу своих патриархальных представлений о мире прямоугольник любви двух мужчин, и мне, не верившей в основательность фундамента любви между мужчиной и женщиной. Альбомы Юлиана это подтверждали, задержавшийся юношеский максимализм одобрял, а диплом о равенстве полов только распаллял.

Однажды Митя и Нина не вышли на работу.

- Да ув, - сказал Юлиан. – Чевт бы побвал эту любовь! Что бы это значиво?

С тех пор, как он увидел Игоря, заезжающего за Митей на черной «Тойоте Камри», взгляд его все чаще в задумчивости останавливался на сейфе. Броня броней, а вдруг замочек-то любовники отомкнут. Один тут так и крутится, а второй сейф ему доставил. Только и гляди в оба. Может, все подстроили, с этих станется.

У Кощея Бессмертного сердце хранилось в игле, игла в яйце... А у Юлиана в купюрах, а те – в сейфе. Беспокойство за сейф было оправдано самым сильным человеческим инстинктом самосохранения.

Я пожала плечами. Сейф был не причем. Вчера вечером я отправилась домой выводить на финишную прямую болид выпускной квалификационной работы, а вся компания в ночной клуб для мальчиков «69».

Нина пришла только к обеду, с темным лицом, зареванная. От нее мы узнали, что Игорь с Митей повздорили из-за ерунды. На колени Игорю соскользнул с шеста стриптизер. Митя объявил, что он свободный мужчина, и тоже сел кому-то на колени. И лучше бы к Нине, которая пыталась их помирить, так нет ведь, к прилизанному пидовке.

Транссексуалы были в гримерке и не успели вмешаться, чтобы выступить парламентарями. Игорь вышел из клуба, хлопнув дверью. Митя шмыгнул носом и прокричал ему вслед:

- Катись! – впервые громко, да так, что Игорь услышал, вернулся и встал на пороге.

- Катиться, говоришь?

- Подальше и побыстрее, чтобы я тебя больше не видел! – пытаясь перекрыть музыку, подтвердил Митя, и ведь перекрыл же.

Игорь еще раз хлопнул дверью, Нина бросилась за ним на улицу, но услышала лишь рев газующей машины за углом.

Через час телефон Мити зазвонил. «Игорь» - горело на экране.

- Здравствуйте! - сказали в трубке. – Ваш номер первый в телефонной книге. Мужчина на «Тойоте» превысил скорость, не справился с управлением, врезался в ограду моста. Вы его знаете?

- Знаю, - как всегда тихо сказал Митя. Неожиданно налетевшая на него громкость прошла сразу, как только Игорь газанул от клуба.

- Сочувствуем, - сказали в трубке. – Он умер.

- Не может быть, - сказал Митя.

- Почему не может? – как будто бы даже обиделись в трубке и тут же заверили. – Очень даже может! Приезжайте и сами посмотрите. Нам тут труповозку еще больше часа ждать, успеете.

Машину занесло на скользкой дороге. Скорость эксперты оценили в сто двадцать километров в час.

Через пару дней Мите позвонил родственник Игоря и попросил от лица семьи не приходить на похороны. Он сказал, что семья приличная, и все должно пройти прилично. У Игоря было завещание, полгода назад он внес в него изменения и оставил Мите какую-то часть. Они ничего не будут оспаривать, пусть он возьмет все, что указано, но похороны – дело семейное, особенно если семья приличная. На случай, если он захочет нарушить приличия, у них есть список тех, кого будут пускать в траурный зал. Мать и сестра Игоря настроены категорически, ради приличий. Лучше даже не пытаться. Да и гроб закрытый, так что дурить нечего.

Митя три раза пытался вспороть вены. Таблетки мы предусмотрительно убрали и организовали дежурство. Дежурил даже Юлиан. Так что в словах родственника было много здравого смысла.

Накануне похорон Мите позвонил пожилой человек.

- Я прошу извинить моих женщин. Вас Митя, кажется, зовут? А я отец Игоря. Прощание в двенадцать утра. Приходите к десяти, Митя, вас пустят, - дрожащим бодрым голосом сказал он. – Игорь ромашки любит. У него у маленького на даче своя клумба с ромашками была. Такие, знаете, большие садовые ромашки. Купите ему, пожалуйста.

А потом жизнь пошла своим чередом. Жизнь всегда идет своим чередом, если ее не торопить.

Мы ослабили дежурство и стали оставлять Митю одного: на час, два, на день, на ночь. Несколько раз он звонил посреди ночи в истерике и говорил, что стоит на крыше своей шестнадцатизэтажки. Я или Нина мчались к нему посреди ночи на другой конец города и находили в кровати - пьяным, сонным, заплаканным.

Потом и эти всполохи прошли. Митя вышел на работу, занялся ремонтом в квартире и зачем-то заказал в спальню зеркальный потолок.

Его часто встречали с работы мужчины, но их лиц мы уже не запоминали и в кафе больше не ходили. Транссексуалы уехали в Америку. Юлиан перестал беспокоиться о сейфе.

Мой последний рабочий день в «Амуре» был первым днем после защиты диплома, первым днем взрослой жизни.

- Мовет останевся? – спросил Юлиан. – Тиваж вастет.

- Нет, я в аспирантуру, времени не будет, - сказала я, чтобы не огорчать его тем, что ищу новую, приличную работу.

Я ведь тоже из приличной семьи и должна соблюдать приличия.

- И я ухожу, - огорошила Юлиана Нина. – Мне папа названивает. Прощения просит, представляете? А я учиться захотела. Папа договорится.

Митя остался в «Амуре». Я часто звонила ему, мы болтали, смеялись, но это уже был какой-то другой Митя, хоть и по-прежнему подружан. Время от времени на правах старшего товарища я читала ему лекции:

- Тебе надо учиться. Не хочешь в институт, иди в техникум, на курсы запишись. Потрать деньги Игоря с пользой, а не на шмотки, гулянки и зеркальный потолок. Он бы хотел, чтобы ты стал счастливым, нашел себя, а не был приложением к кому-то. Ты не всегда будешь молодым и красивым. Сам знаешь, у вас принято менять любовников. Сейчас меняешь ты, потом будут менять тебя. Не смейся, будут. Через десять лет тебе будет тридцать, потом сорок, пятьдесят. Учись, получай профессию. У тебя вся жизнь впереди. Ты должен сам зарабатывать, на ногах стоять.

Митя не спорил, тихо и послушно соглашался, но на мои звонки отвечал все реже, сам не звонил, а потом и вовсе пропал.

Недавно я пришла на прием в новое отделение известной стоматологической клиники. Открыла рот и закрыла глаза.

Потом открыла глаза и тут же закрыла рот. И снова открыла рот, глядя в прекрасные черные глаза нависшей надо мной со сверлом в руке Нины.

В первую секунду я вспомнила всю свою жизнь и успела попроситься с ней. Во вторую поняла, что не все потеряно, раз сверло все еще жужжит над моим носом. В третью испытала жгучее желание незаметно сползти с кресла, а затем, как ансамбль «Березка», на цыпочках бесшумно мчаться из клиники, почти не касаясь земли. Но это было не очень вежливо.

Путь к спасению уже преграждал выдвигной поднос с инструментами. На нем холодным металлическим блеском сверкали острые железяки. Поднос вплотную примыкал к моей груди. Казалось, Нина хочет накормить меня орудиями своего труда.

- Может, не надо, Нина? – промычала я. – Пломба хоть и старая, но стоит. Подумаешь, кусочек откололся.

- Вауууу, - сверло описало зигзаг в воздухе, повторив широкое, от всей грузинской души, приветственное движение рукой, от которого я дернулась в сторону. – Вай-вай-вай! Думаю, ты или не ты. Как не надо? Ты что, надо, надо! Это моего братика клиника. Я в центральном отделении работаю, а тут только открылись. Пока стоматологов в штате не хватает, я вызвалась помочь. Зачем тебе старая пломба? Мы все снимем, штифт поставим. Такой зуб у тебя будет, закачаешься, как новенький! Орехи колоть будешь!

Я старалась выказать сомнение и интеллигентно, но настойчиво мычала. Соппротивление мое было неубедительно. Мешали ватные тампоны, которые Нина заботливо утрамбовала у меня во рту. Ничего не оставалось, как откинуться на спинку кресла, закрыть глаза и уповать на Гиппократу, клятву которому Нина, судя по всему, все-таки принесла.

- Помяни, Господи, царя Давида, и всю кротость его, - повторяла я про себя, пока пело сверло, слова молитвы, дарующей удачу.

Когда сверло замолкало, я открывала глаза и деликатно, не мигая, смотрела на Нину. Вернее, туда, куда обычно смотрят все пациенты стоматологов – на их переносицу. Нина смотрела в мой рот как в телевизор, а в глазах ее водили хороводы Асклепий, Гигиеня и Панакея, на верность которым она, хотелось думать, тоже присягнула.

- Ты на защиту диссертации ко мне приходи! – не унималась Нина. – Знаешь, как мой папа говорит? Ученым можешь ты не быть, а кандидатом быть обязан! Найдешь стоматологический факультет, а там кафедра хирургических болезней с курсом колопроктологии. Возле нее и встретимся.

- Курс колопроктологии у стоматологов – это очень логично! – не удержалась я между сменой ваты во рту и осведомилась у потомственного медицинского светила. - Нина, а ты за какое отверстие желудочно-кишечного тракта отвечать будешь: верхнее или нижнее?

- Audi et sile, - обиженно изрекла Нина и с достоинством замолчала, ожидая реакции.

- Все-таки надо было тогда тебе колготки к ногам пришить, - подумала я про себя, закрыла глаза и сказала обиженному сопению: - Какая ты у нас умная, Нинка!

От нее я узнала, что Юлиан выгодно конвертировал содержимое сейфа в куриную фабрику где-то в Белгороде и удачно женился. На фото страницы в социальной сети британский подданный Юлиан Шелдон обнимает сухопарую рыжеволосую леди. Подпись гласит: «Май свит лита герла».

На обратном пути я остановилась у газетного киоска. «Амур» потолстел, обложка играет глянцевыми бликами.

- Можно посмотреть? – кивнула я на журнал. Новый закон обязал помещать периодику эротического содержания в целлофановую упаковку, и лежит теперь «Амур» на каждом газетном лотке, стоит в каждом киоске, словно затянутый в презерватив. Представляю, как сетовал Юлиан на дополнительные траты своей английской жене.

- Купите и смотрите на здоровье, - огрызнулась продавщица. – Хотя вам повезло. На одном целлофан порвался, журналчик запачкался. Купите грязный «Амур» в полцены?

Внутри все те же кошечки и тигрицы, при перемене имен лица не меняются. Нештучный товар. Попыталась сочинить призывное объявление. Не получилось.